

05
Н 76

НОВЫЙ МИР

9.

МОСКВА
1945

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Москва, 1945 г.

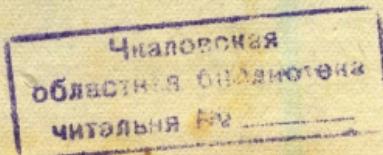
№ 9

Год издания XXII

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
КОНСТ. ФЕДИН — Первые радости, роман. Окончание	2
ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ — Стихи	29
СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ — Смех и слёзы, юмористическая	31
АЛЕКСАНДР КИРСАНОВ — Стихи	58
МАРИОТТА ШАГИНЯН — Челябинские колхозы	60
ЮЛИАН ТУВИМ — Лирика, перевод спольского Ник. Асеева	70
С. УШАКОВ — Будни летчиков	72
ЛЕВ ЧЕРНОМОРЦЕВ — Стихи	85
<hr/>	
А. РУБАКИН — Французские записи	86
<hr/>	
А. ДЕРМАН — Михаил Исаковский	102
АН. ВОЛКОВ — Новые материалы о Горьком	113
З. ПАПЕРНЫЙ — Поэт-патриот	116
<hr/>	
БИБЛИОГРАФИЯ	
ГРИГОРИЙ ЛЕВИН — Человек в природе	120
Я. РЫКАЧЕВ — Неудачная повесть	123
Х. ХЕРСОНСКИЙ — Неумирающие актеры	125
Г. БРОВМАН — Клиника о Грибоедове	128
<hr/>	
НОВЫЕ КНИГИ	130

Проверено

ФРАНЦУЗСКИЕ ЗАПИСИ*

А. РУБАКИН

ЧАСТЬ 4-я ЛАГЕРЬ ДЖЕЛЬФА

Из вагонов мы вылезли усталые, скрюченные от неподвижного сидения, голодные, мучимые жаждой. Станция была маленькая, темная, горел только один керосиновый фонарь. Мы вывалили на себя все, что могли, и по команде двинулись в путь.

Мелькали во тьме дома без света в окнах, деревни. Потом мы поднялись на холм, прошли ворота и очутились на большом дворе, со всех сторон окруженном низкими одноэтажными зданиями. Мы пришли к зданию, где стояли солдаты-арабы в бурюсах и чалмах, с ружьями. У них был вид разбойников, притом опереточных. Нас повели в большое сырое помещение с решетками на больших окнах. Здесь не было ни кроватей, ни столов, ни стульев, не было даже соломы на полу. Щелкнул замок.

Мы сбросили вещи на пол, в абсолютной темноте. Стали стучать в дверь — хотелось пить, нужно было в уборную. Дверь долго не отворялась. Из-за двери арабы грубо спрашивали: «Чего тебе?» — А когда мы объясняли в чем дело, они отвечали: «сидите смирино».

Мы стали стучать все громче и громче. Тогда дверь открылась, вошел какой-то штатский с опухшим лицом алкоголика, в сопровождении двух солдат-арабов, несших фонарь.

— Чего вы скандируете? Чего вам нужно? — грубым тоном спросил он.

Мы объясняли в чем дело.

Штатский уставил на сказавшего бессмыслицами оловянные глаза (он был пьян вдребезги).

— Завтра утром вы получите кофе. Есть у вас у всех вилки, ножи, ложки, котелки?

Мы ответили, что есть почти у всех.

— Ну смотрите, чтобы завтра утром у всех было, — он говорил так, словно за ночь мы могли где-то купить недостающие нам предметы.

Мы повторили ему нашу просьбу. Но тот, словно не слыша, упрямо и глупо твердил:

— Вы будете почевать здесь, завтра утром вы получите кофе.

И собрался уходить. Кто-то бросился за ним вслед, повторяя нашу просьбу. Тогда штатский (позже мы узнали, что это был Гравельль, правая рука коменданта лагеря Кабоша), обращаясь к арабам, бросил им на ходу:

— Вы можете водить их в... — он сказал грубо французское слово, — по-двойке или по-тройке, не больше. — И ушел.

Пришло распологаться на цементном и сырье полу. И вдбавок в полной темноте. Впрочем, у некоторых нашлись спички, у некоторых даже свечки, и огромное унылое помещение слабо осветилось. Одеяла разложили на полу. У выходных дверей стояла очередь в уборную. Арабы принесли нам ведро воды — и ведро и вода были грязные. Но воду мы всю выпили тотчас же. Нас будто от вшей, мы были грязны, измучены, дорогой, на цементе лежать было нестерпимо жестко и холодно.

Утром нас стали выпускать во двор, к умывальнику, где с наслаждением мы окатились ледяной водой. Во дворе мы увидели товарищей из лагеря, которым здесь работали. Украдкой они рассказали нам, что мы находимся в форте Кафареллы, что лагерь в полутора километрах отсюда, что комендант лагеря Кабош настоящий палач и зверь, а его помощники Гравельль и араб Ахмет — не лучше его.

Вскоре нас стали вызывать для допроса. Вел допрос сам комендант и его помощники. Тут мы впервые увидели знаменитого Кабоша. Высокий, моложавый, с большой нижней челюстью, с бледноголубыми глазами, он производил впечатление человека крайне жестокого, даже не-нормального, всех нас он ненавидел какой-то личной ненавистью. Впрочем, это было понятно. Работник «второго бюро» французского генерального штаба (разведка) Кабон задолго до войны попал в Польшу, где шпионил против России. Здесь он женился на богатой польке и приобрел немало движимого и недвижимого имущества около Белостока. Все это имущество у него пропало после возвращения Западной Белоруссии в состав СССР. Поэтому он люто ненавидел все советское. Кабош недурно говорил по-польски и с самого начала стал засыпывать с интернированными поляками, в глазах которых хотел играть роль покровите-

* Продолжение. Начало см. «Новый мир», 1945 г., № 1.

ая. Вся его политика в лагере сводилась к тому, чтобы ссорить между собой национальные группы, разъединять их и этим ослаблять наше сопротивление.

Ответив на обычные формальные вопросы, я сказал Кабошу, что рассматриваю себя как военнопленного, ибо был арестован и интернирован без всяких к этому оснований, уже не говоря о том, что немцы напали на мою родину. Кабош слушал, глядя в сторону, а потом скучно сказал:

— Для меня вы являетесь таким же интернированным, как и другие.

Увидев из моих бумаг, что я был единственным советским гражданином в лагере, имеющим советский паспорт, он меня особенно вознавидел.

После всей этой процедуры нам велели идти в лагерь.

Лагерь Джельфе был создан как дисциплинарный лагерь для иностранцев, иначе говоря, как каторга, на которую посыпалась без суда, простым решением префекта департамента. Таким этот лагерь и оставался до самого конца. Вначале он официально назывался, как это значилось на печати, «концлагерем для политических интернированных». Потом, уже при нас, его переименовали в «центр пребывания под надзором» — иностранцы могли подумать, что речь идет о каком-то курорте, где люди живут, как хотят, а за ними только надзирают власти. На деле же это было и осталось тюремный лагерь. Мы все знали и любили Францию как наиболее яркую представительницу культуры Европы, как страну, первой провозгласившую великие революционные лозунги и принципы, как страну Парижской Коммуны, страну великих и глубоко человеческих писателей. Но была у Франции и задний двор, где люди остались первобытно жестокими, хотя их жестокость и стала более утонченной.

Нам в лагере пришлось увидеть именно этот задний двор.

Расположенный на склоне холма, лицом к северу, открытый холодным ветрам, лагерь в Джельфе имел форму огромного прямоугольника, обнесенного тремя рядами колючей проволоки, прикрепленной к высоким деревянным столбам. Вдоль проволоки, спаружи и на углах, стояли жалкие соломенные шалаша, у которых несли охрану закутанные в бурнузы, мерзущие на ветру часовые-арабы. Против каждого угла была устроена башенка, с которой на лагерь глядело дуло пулемета.

Скошенная глинистая дорога шла с одного конца лагеря до другого, по обе стороны ее стояли грязные палатки. Мы прошли мимо них — на нас с симпатией глядели оттуда наши товарищи. В другом конце лагеря выснулись два длинных барака, один уже законченный, другой еще с неоконченной стеной и без крыши. Бараки были построены из кирпичей, сделанных из глинистой грязи, смешанной с соломой. В самом конце лагеря было небольшое пространство, огороженное новым рядом колючей проволоки. На этом пространстве выснулось семь пала-

ток. Вход в закут был через ворота, запирающиеся на замок. Туда то нас и провели.

Это был так называемый «специальный лагерь». Только на днях оттуда вышли товарищи, прибывшие на три недели раньше нас из Верса. Но там еще оставалась группа немцев-антifaшистов, бывших бойцов интербригад. Высокий адюкадан-араб с красивым жестоким лицом, по имени Ахмет, велел нам здесь располагаться.

Палатки были военного образца, рассчитанные на шесть человек. Нас было 10 человек. Под в палатах земляной, сырой от доядя, между краем палатки и землей — щели, откуда дуло, полотнище в дырах. Вся палатка держалась на центральной мачте, поставленной на камень и не прикрепленной к земле. Не было в палатах ни цыновок, ни соломы. Пришлось разостлать одеяла прямо на земле. Мы легли ногами к мачте, по радиусам палатки. Все так устали, что думали только о сне. К счастью, ночь не была очень холодной.

Из лагеря видна была внизу железнодорожная станция, а вокруг унылые голые горы, по которым бродило стадо овец. Где-то на горизонте, на отлогом склоне, сиял далекий лес. Более унылого пейзажа нельзя было найти нигде в окрестностях Алжира.

Комендант лагеря Кабош, как я уже сказал, был офицером из числа тех, чья служба прошла во «втором бюро». Хорошо известно, что «второе бюро» всегда играло крупную политическую роль в стране. Достаточно вспомнить знаменитое дело Дрейфуса. Но после мировой войны 1914—18 гг. «второе бюро» стало органом политической разведки. Оно занималось, главным образом, политическим сыском, дополняло работу французской охранки (*Sûreté Générale*). Это была высшая инстанция политического сыска.

На работу во «второе бюро» брали преимущественно офицеров-реакционеров. В этом смысле подбор был строгий.

Но, в отличие от других разведок, «второе бюро» менее всего было заинтересовано в собирании объективных фактов и установлении действительных настроений разных общественных групп. «Второе бюро» приспособливало события и факты к заранее определившимся мнениям — знать не то, что есть на самом деле, а то, что соответствует уже принятой точке зрения.

Уже в лагере я читал в швейцарских газетах текст доклада начальника «второго бюро» военному министру о состоянии Красной Армии. Доклад этот был составлен в 1937—38 гг. В нем говорилось, что Красная Армия технически слаба, что ее военное руководство не отвечает современным требованиям. И это писалось накануне Великой Отечественной войны, в которой Красная Армия показала себя сильнейшей армией мира! Такова была информация «второго бюро».

Неудивительно, что представители «второго бюро», в руках которых мы оказались, проявили такое же непонимание политических событий, как и само бюро.

Кабош работал во «втором бюро» лет тридцать, также как и его ближайший начальник, полковник Бро, комендант военного округа Лагуа, в ведении которого находился лагерь Джельфа. И эти материальные разведчики теряли всякое самообладание, когда им приходилось сталкиваться с русскими людьми, представителями советской страны. В этом суть французской буржуазии, болтающей за свои сейфы, банки и предприятия и видящей в СССР угрозу своему благополучию. Будучи сами оскорблены, унижены немцами, эти чиновники из петеновских ведомств не имели ни достаточного патриотизма, ни силы воли, ни желания бороться с гитлеровскими агрессорами.

В этом отношении очень характерна позиция Кабоша. Нас он ненавидел как коммунистов. Нам он говорил, что ненавидит немцев — а перед ними он трепетал. Но он ненавидел и американцев и англичан — он и полковник Бро. Когда, после высадки 8 ноября в Алжире, пошел слух, что английские отряды идут к Джельфе, Кабош велел своим арабам подготовить позиции и установил на них лагерные пулеметы, взяв под обстрел дорогу, по которой ожидалось прибытие англо-американцев. Правда, пулеметы были старые, ржавые, патронов для них было мало, никакого вреда англичанам они причинить не могли. Но в тот момент Кабош об этом не думал. Так как пулеметы стали бы стрелять со стороны нашего лагеря, англичане, отвечая на огонь, обстреляли бы лагерь, и плохо пришлось бы нам, а не Кабошу. Быть может, он имел в виду и это.

В Африке Французы господствовали, непосредственно немецкий гнет не чувствовался, можно было жить спокойно, сыто, тепло.

Когда английские комиссии стали пронзажать в наш лагерь, нужно было видеть с каким почтением принимали их Кабош и Бро. Нам же после отъезда англичан они заявили:

— Здесь еще, слава богу, распоряжаемся мы, французы!

Помощники Кабоша были французские чиновники, бездуши, робкие перед начальством, наглые с нами. В лагере их больше всего интересовала возможность использовать для себя бесплатную рабочую силу. Воровали в лагере все, начиная с Кабоша и кончая последним арабом, крали явно, нагло, на наших глазах. Когда в лагере началась борьба против сыпного тифа, интенданту должен был прислать для обтираний против вшей смесь из равных частей оливкового масла и керосина. Керосин был дешев, масло дорого. Интенданту прислал почти чистый керосин, заработав на этом литров десять масла.

Весь лагерь Кабош превратил в мастерские, а интернированных — в рабочих. В этом отношении он оказался блестящим организатором. В своей деятельности он вдохновлялся, можно сказать, принципом, общим для всех чиновников правительства Виши: награбить возможно больше в наиболее короткий срок.

Первой мыслью Кабоша, когда он был назначен начальником только что созданного прави-

тельством Виши лагеря Джельфа, было: использовать рабочую силу интернированных. Среди них оказалось огромное количество специалистов. Но работать никто не соглашался — значит, надо было их заставить. И тут Кабош стал действовать очень умело, со всей ловкостью старого колониального служаки.

Он созвал заключенных и посыпал тем, кто будет работать, усиленный паек, а тем, кто продолжал отказываться, угрожал репрессиями. Часть наименее сознательных поляков и испанцев поддавалась искушению.

Поляков послали на работу в лес, километров за сорок от Джельфы. Испанцев засадили за работы в самом лагере. Не работающих Кабош перевел на голодный паек. Кроме того, «зачинщики» были изолированы и отделены от прочих колючей проволокой. Обнаружить зачинщиков Кабошу удалось очень просто. В это время интернированные составили заявление на имя Петена, требуя уважения к своим человеческим правам, и все те, кто подписал заявление, были включены в число зачинщиков. Из их числа человек десять, считавшихся главарями, посадили в «специальный лагерь», в одну палатку, с запрещением выходить из нее. Норму хлеба им снизили по 150 г в сутки. В лагерной лавке запрещено было продавать им что бы то ни было. Такой режим означал медленную смерть. Три месяца они просидели, не выходя из палатки, нагретой палашим африканским солнцем (дело было летом.) Нужно было всё самоотвержение товарищей, чтобы доставлять хоть кое-какие продукты этим «заключенным на солнце». Тех, кого ловили на передаче, немедленно сажали в тюрьму. Через три месяца эти десять человек вышли из заточения похожими на скелеты.

На другой же день после приказа о работе не работающим стали давать только воду с плавающей в ней кожурой от бобов. Началась настоящая голодауха. Кабош явно шел на провокацию. Чтобы избежать новых издевательств и голодной смерти, мы все порешали стать на работу.

Работу можно было выбирать: постройка кованенного завода, кирпичный завод, изготовление кирпичей из грязи, каменоломни, изготовление изделий из альфы и т. д. Я записался на плетение альфы. Этому обучали особые мастера-испанцы, работать можно было в своей палатке, сидя, и мне казалось, что это наиболее подходящее для меня занятие. В конце концов я научился плести из альфы веревки и широкие полосы, из которых делались цыпняки.

На изделиях из альфы Кабош зарабатывал огромные деньги. Особенно велика был спрос на сандалии и мешки из альфы. Сандалии продаются в магазинах по 47 франков. Кабошу они обходились в 300 г. хлеба — кило хлеба тогда стоило 3 франка, прибавьте к этому стоимость материала, т.е. меньше франка. Такие же сандалии, но похожие, сделанные нами же, выдавались нам, когда у нас не было обуви, и выдавались платно — по 5 франков за пару.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская. 20; тел. для справок: (3532) 60-61-30